

УДК 343.341

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.10

Д. Н. Григоров

Юго-Западный государственный университет,

Курск, Российская Федерация

E-mail: dmitriygrigorov2021@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3593-9918>

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОПАГАНДУ И ДЕМОНИСТРИРОВАНИЕ СИМВОЛИКИ, НА КОТОРУЮ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение проблем, связанных с установлением обширного правового запрета на демонстрацию и пропаганду определенных видов символики, которые приобрели повышенное общественное значение в связи с установлением уголовной ответственности за повторное совершение соответствующего административного правонарушения. Методологической основой исследования стали общенаучные методы познания, формально-юридический метод толкования правовых норм, метод изучения документов (публикаций СМИ, символики организаций), контент-анализ публикаций СМИ, кейс-стади. В результате выявляется необходимость конкретизации правового регулирования в отношении ряда необщезвестных символов, символов экстремистских организаций, не имеющих официального статуса, атрибутов и символов организаций, на которые запрет распространяется лишь в связи с частью их продуктов. Особое внимание уделяется совокупности проблем, связанных с татуировками, содержащими запрещенные символы. Результаты исследования, включающие предложения дифференциации ответственности за демонстрацию символов и атрибутов в зависимости от их характера, а также по недопущению создающего возможности коррупционных и иных злоупотреблений многократного привлечения к ответственности за демонстрацию татуировок с запрещенными символами, могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: экстремистские организации; нацистская символика; татуировка; символика СССР; криминальная субкультура.

UDC 343.341

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.10

D. N. Grigorov

Southwest State University,

Kursk, Russian Federation

E-mail: dmitriygrigorov2021@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3593-9918>**PROBLEMS OF CRIMINAL LAW REGULATION
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND WAYS
TO SOLVE THEM**

Abstract. The aim of the study is to consider the problems associated with the establishment of an extensive legal ban on the demonstration and promotion of certain types of symbols, which have acquired increased public importance in connection with the establishment of criminal liability for the repeated commission of the corresponding administrative offense. The methodological basis of the study was general scientific methods of cognition, the formal legal method of interpreting legal norms, the method of studying documents (media publications, symbols of organizations), content analysis of media publications, and case studies. As a result, there is a need to specify the legal regulation in relation to a number of not well-known symbols, symbols of extremist organizations that do not have an official status, attributes and symbols of organizations to which the ban applies only in connection with part of their products. Particular attention is paid to the set of problems associated with tattoos containing prohibited symbols. The results of the study, including proposals for differentiating responsibility for the display of symbols and attributes depending on their nature, as well as for preventing multiple prosecutions for displaying tattoos with prohibited symbols, which creates opportunities for corruption and other abuses, can be used in legislative and law enforcement activities.

Keywords: extremist organizations; Nazi symbols; tattoo; symbols of the USSR; criminal subculture.

Введение

Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному собранию РФ 21 февраля 2023 года отметил, что элиты Запада стремятся нанести стратегическое поражение России, осуществляя против нее все более массовые и изощренные информационные атаки¹. В таких условиях огромное значение приобретает законодательство, направленное на противодействие экстремизму. Как указывает Конституция РФ в ст. 29, различные формы агитации и пропаганды, связанные с разжиганием отношений ненависти и вражды в обществе, являются недопустимыми. Но именно такую пропаганду, направленную на реабилитацию нацизма, распространение

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 10.03.2023).

человеконенавистнических идеологий, разрушение традиционных для российского государства ценностей, утверждение ценностей, чуждых для общества законопослушных граждан, трудящихся на благо своей страны и своих семей, ведут различного рода экстремистские организации [6].

Одним из средств борьбы с пропагандой экстремистской деятельности является установление ответственности за пропаганду и демонстрирование определенного рода символики, которая неразрывно связывается с описанными выше социально негативными явлениями. Для этого в Кодекс об административных правонарушениях РФ еще при его принятии была включена ст. 20.3, изначально распространявшаяся на фашистскую атрибутику или символику. Постепенно перечень видов символики, пропаганда или публичное демонстрирование которых наказывались в соответствии с данной статьей, уточнялся и расширялся, вследствие чего в настоящий момент она носит следующее название: «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами».

Однако резкое обострение международных отношений в 2022 году, которое вызвало активизацию враждебных России сил, по мнению законодателя, обусловило недостаточность административного наказания для противодействия пропаганде запрещенной символики. Федеральным законом от 14.07.2022 № 260-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) был дополнен ст. 282.4, которая предусматривает ответственность за деяния, аналогичные предусмотренным ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), совершенные лицом повторно после привлечения его к ответственности за указанное административное правонарушение (состав с административной преюдицией).

Не вызывает сомнения обоснованность такого ужесточения законодательства применительно к нацистской символике, ряду других запрещенных символов, а также к символике экстремистских организаций, которые ведут на территории России активную деятельность, направленную на разрушение основ российского общества и государственности. Чрезвычайно опасной является деятельность религиозных организаций, которые под видом возвращения к языческим ценностям осуществляют пропаганду неонацистских идей превосходства белой, арийской расы [12]. В условиях, когда Россия осуществляет специальную военную операцию на территории Украины, особое значение приобретает противодействие распространению идеологии украинских националистических организаций, осуществляющих целенаправленное уничтожение мирного населения России и Украины, не поддерживающего их человеконенавистнические устремления [2]. Установление ответственности за демонстрацию подобной символики выступает формой двойной превенции [7]: выявление и привлечение к ответственности лиц, которые используют символику подобных организаций для того, чтобы показать их поддержку, одобрение

их идей и в особенности принадлежность к ним; предупреждает другие преступления, в том числе такие тяжкие, как убийства на экстремистской почве, террористические акты, массовые беспорядки и т. д.

Исходя из приведенной выше позиции, установление прогрессивной трехступенчатой системы превенции экстремистских преступлений является обоснованным: лицо, которое подвергается опасному идеологическому влиянию, сперва подвергается относительно мягкому административному воздействию, потом, если продолжит осуществление аналогичной деятельности, уголовному наказанию за преступление средней тяжести, судимость за которое будет выступать средством специальной превенции более тяжкого преступления, поскольку ее наличие будет означать, что лицо находится под особым контролем правоохранительных органов и понесет максимально строгую ответственность.

Однако следует иметь в виду, что не все формы экстремистской деятельности одинаково опасны. Не любая символика, запрещенная к демонстрации на территории РФ, однозначно ассоциируется с человеконенавистническими идеологиями, с совершением тяжких преступлений экстремистского характера. Ряд символов является схожим до степени смешения с общеупотребительными графическими элементами и символами исторического характера. Некоторые виды символики могут утрачивать различительное значение и из характерного для определенной субкультуры символа превращаться в относительно распространенный среди широких масс населения.

В связи с этим возникают вопросы, касающиеся возможной дифференциации ответственности за демонстрацию и пропаганду символики, на которую распространяется правовой запрет.

Материалы и методы

С использованием общенаучных методов и формально-юридического метода толкования правовых норм исследованы нормы КоАП РФ, УК РФ и специальных законов, список организаций, их символика, основные способы пропаганды и демонстрирования символики, практика применения норм об ответственности за демонстрирование символики. С помощью информационно-поисковых систем выборочно установлено содержание символики отдельных организаций.

Из базы данных справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» выбрана релевантная ст. 20.3 КоАП РФ судебная практика (всего 586 результатов поиска). Из числа судебных решений отобраны наиболее подходящие и отражающие проблемные вопросы практики применения норм ст. 20.3 КоАП РФ (и, как следствие, применения ст. 282.4 УК РФ), в отношении них применен метод рассмотрения отдельных фактов, событий и примеров в контексте проблемных вопросов темы, то есть кейс-стади (от *англ.* case — случай, study — учение, изучение).

Также отобраны 100 сообщений СМИ за период с февраля 2022 по февраль 2023 года с использованием специализированной поисковой системы Google News по запросу «демонстрация символики». Был осуществлен контент-анализ для выявления вызывающих наибольший общественный резонанс аспектов темы путем подсчета сообщений, которые посвящены данным аспектам.

Результаты исследования

Формально-юридическое толкование норм ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ позволяет выявить их наиболее существенные признаки. Административное правонарушение посягает на такой объект, как общественные отношения в сфере поддержания общественной безопасности и общественного порядка. Уголовно-правовая норма, исходя из ее расположения в структуре УК РФ, защищает от посягательств такой объект, как конституционный строй и безопасность государства. Такое расхождение в объектах можно связать с тем, что норма КоАП предусматривает ответственность за единичное деяние, а норма УК РФ — за деятельность, приобретающую определенную системность и, как следствие, угрожающую уже не просто общественному спокойствию, а существующему государственному устройству.

Предметом (или, скорее, квазипредметом из-за часто отсутствующего материально-вещного признака [5]) рассматриваемых составов наказуемых деяний выступают несколько видов символики и атрибутики:

- 1) нацистская атрибутика и символика, а также атрибутика и символика, сходная с нацистской до степени смешения;
- 2) атрибутика и символика экстремистских организаций;
- 3) атрибутика и символика, специально указанная в качестве запрещенной в федеральном законодательстве.

При этом не имеет значения конкретная форма выражения символов и атрибутики: они могут носить материальный характер (в виде исторических артефактов или вновь изготовленных их копий), быть составной частью униформы, документов, графических изображений, выражаться в звуковой форме или в форме характерных жестов (постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2011 № 64-АД11-1).

Нормативная конкретизация первого и третьего видов символики содержится в ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 № 80-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Рассматривая содержание этой нормы, можно отметить, что запрещенной должна признаваться символика и атрибутика, включающая:

- символы и атрибуты, которые однозначно в общественном сознании связываются с нацистской Германией, а более конкретно — с группами, организациями и движениями, деятельность которых признана преступной Нюрнбергским трибуналом;

– символы и атрибуты коллаборационистских организаций, сотрудничавших с вышеуказанными коллективными субъектами и их отдельными представителями, а также с субъектами, осужденными национальными, оккупационными или военными трибуналами;

– изображения руководителей указанных выше групп, организаций и движений;

– символы и атрибуты организаций, отрицающих факты и выводы, установленные приговором Нюрнбергского трибунала и других указанных выше трибуналов.

Кроме того, по смыслу закона, к данному пункту также следует отнести символику, включенную в перечень экстремистских материалов, составляемый и публикуемый Министерством юстиции Российской Федерации (Минюст России).

К экстремистским организациям, символика и атрибутика которых является запрещенной, относятся организации, входящие в формируемый Минюстом России Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Перечень). По состоянию на февраль 2023 года, в Перечень входит 101 организация. Условно их можно разделить на следующие категории:

– неонацистские организации, сходные по своей идеологии с нацистскими организациями, преступность деятельности которых была установлена приговором Нюрнбергского трибунала;

– украинские неонацистские организации, вербующие сторонников на территории России;

– религиозные и псевдорелигиозные организации (секты), пропагандирующие нацистские идеи под видом языческих, старых верований;

– радикальные исламистские религиозные организации, в основе идеологии которых лежат религиозная нетерпимость и насильственное насаждение исламской веры;

– иные религиозные и псевдорелигиозные организации, для которых характерна крайняя нетерпимость к представителям иных верований, распространенных на территории России, а также побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей и совершению противоправных деяний (например, организация «Свидетели Иеговы»);

– организации спортивных ультрас;

– радикальные организации сексистского толка (например, Misanthropic division, «Мужское государство»);

– организации, ставящие своей целью насильственное свержение существующего конституционного и государственного строя.

В этом перечне выделяются несколько организаций: во-первых, размытый конгломерат международных общественных движений, использующих наименования

с аббревиатурой АУЕ (по факту — совокупность лиц, придерживающихся обычаев и традиций криминальной субкультуры); во-вторых, ряд организаций «граждан СССР», отрицающих правомерность распада Советского Союза и, соответственно, легитимность существующих государственных институтов; в-третьих, американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram (но не других продуктов данной корпорации).

Особенностью первых, определяющей их специфику в рамках данного исследования, является отсутствие формальных институтов членства, единого руководства [14] и, как следствие, единой символики. Для вторых характерной особенностью является использование не какой-либо специфичной символики или атрибутики, а заимствование исторических государственных символов периода 1917–1991 годов. В третьем случае запрет касается только двух продуктов из десятков, принадлежащих данной организации.

Кроме того, поскольку одной из наиболее опасных форм экстремизма является терроризм, к запрещенным экстремистским организациям следует присовокупить запрещенные террористические организации, перечень которых ведет Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ России) — Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. Данный перечень, включающий, по состоянию на 13 февраля 2023 года, 46 организаций, состоит в основном из радикальных исламских и неонацистских террористических организаций. Единственным заметным исключением является международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование — «Скулшутинг»), которое, так же как и АУЕ, характеризуется размытостью, децентрализованностью и отсутствием формальных институтов [8].

Символика большинства организаций, упомянутых выше, присутствует в открытых источниках. Ее визуальное рассмотрение и сопоставление с известными образцами показывает, что она является достаточно разнородной. Можно выделить, в частности, символы и атрибуты, копирующие или однозначно отсылающие к общеизвестной символике, имеющей отношение к нацизму, либо к характерной, хотя и менее известной, символике радикальных исламских формирований (в частности, так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)). Ряд организаций обладает специфической для них символикой, обеспечивающей однозначную узнаваемость и не используемой в иных целях. Другие же применяют символы и атрибуты, многие из которых являются отсылками и копиями общеупотребительных символов. Например, секта «Свидетели Иеговы», помимо узнаваемого изображения сторожевой башни или ее верхушки, использует также схематический логотип, похожий на символ шахматной ладьи, а также вариации на темы общехристианских символов распятия, рыбки (ихтис), книги.

Наконец, особенно хотелось бы отметить логотипы и символы, связанные с продуктами Meta Platforms: латинская буква f на синем фоне, схематическое изображение фотоаппарата в виде квадрата со скругленными углами, схематическое изображение бумажного самолетика, выполненные в характерной цветовой гамме изображение жеста «палец вверх» и «сердечка» и т. п. Данные пиктографические элементы вошли во всеобщее употребление задолго до включения в Перечень соответствующих продуктов Meta и для большинства использующих их лиц не ассоциируются с экстремистской деятельностью, поощряемой на платформах Meta.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП, и преступления, предусмотренного 282.4 УК РФ, предполагает публичную демонстрацию символики и атрибутики, то есть, как и в других составах экстремистских правонарушений и преступлений, любые действия, при которых они становятся доступными для восприятия индивидуально неопределенным кругом лиц, не входящих в узкий круг личного общения [3].

Субъективная сторона предполагает умышленную форму вины. Лицо должно осознавать характер используемого символа, понимать его связь с нацизмом (что может вытекать из презумпции общеизвестности основных нацистских символов и атрибутов) или экстремизмом, осознавать публичный характер своего действия. Общественная опасность деяния также определяется выражением позитивного либо нейтрального отношения к демонстрируемым символам или атрибутам: если из характера демонстрации явно следует негативное отношение к соответствующим идеологиям, а также отсутствуют признаки их пропаганды или оправдания, ответственность не наступает [15].

При рассмотрении выборки из 100 публикаций СМИ за период февраль 2022 – февраль 2023 года выявлено 27 публикаций, рассматривающих случаи привлечения к ответственности за демонстрацию запрещенной символики. В 11 из них речь шла о нацистской символике, в 7 — о символике запрещенных оппозиционных организаций, в 4 — о символике АУЕ, в 3 — о лозунгах и другой атрибутике украинских националистов, в 2 — о символике ИГИЛ. Также 5 публикаций затрагивали вопросы использования символики Meta, однако содержали не сведения о привлечении кого-либо к ответственности, а разъяснения, как такой ответственности может избежать добросовестно действующее лицо.

Конкретные примеры символики и атрибутики, в частности, включали жест, изображающий усы Гитлера, его фотографию в нацистской форме, татуировки в форме свастики и восьмиконечных звезд, которые были признаны символикой АУЕ.

Выборочное рассмотрение дел из базы судебной практики «Консультант-Плюс» показывает, что вопросы правоприменения норм о демонстрации запрещенной символики достаточно часто становятся предметом разбирательства по пересмотру решений, вступивших в законную силу, проходя иногда несколько инстанций вплоть до Верховного суда Российской Федерации (ВС РФ).

В ходе рассмотрения дел судами высказывались довольно примечательные правовые позиции, в частности: о допустимости оборота вещей, включающих запрещенную символику, если он осуществляется в научно-исторических и художественных целях, с ретушированием изображений символики (постановление ВС РФ от 17.07.2017 № 5-АД17-33); о наличии состава правонарушения при нанесении татуировок на части тела, доступные для восприятия других лиц (постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2020 № 16-3644/2020); о необходимости проявления критичности в связи с размещением материалов в информационном пространстве, направленном на недопущение нарушений закона (решение Московского городского суда от 30.09.2020 по делу № 7-11519/2020); о признании правонарушения, связанного с размещением информации в сети Интернет, длящимся (решение Московского городского суда от 04.02.2020 по делу № 7-1575/2020); о невозможности возложения на лицо обязанности свести татуировку в связи с привлечением его к административной ответственности (решение Верховного суда Республики Бурятия от 06.08.2019 по делу № 12-169/2019); о возможности скрытия татуировок (решение Московского городского суда от 01.12.2021 по делу № 7-17960/2021).

Обсуждение

В результатах исследования в первую очередь обращает на себя внимание очень широкий набор атрибутов и символов, демонстрация которых влечет за собой ответственность. В научных публикациях также обращалось внимание на это обстоятельство. В частности, А. В. Равнюшкин отмечает, что до сих пор отсутствует четкий перечень символики организаций, которые признаются нацистскими, и тем более не существует исчерпывающего перечня символики таких организаций [10]. И если полноценное перечисление символики других экстремистских организаций действительно затруднительно составить, поскольку некоторые из этих организаций продолжают свою деятельность, модифицируя свои символы и создавая новые, а также потому что появляются новые организации, то каталог нацистских символов в силу их исторического характера принципиально возможен. Интерес представляет предложение К. Д. Рыдченко о разделении нацистских символов на общеизвестные, употребление которых недопустимо в любом контексте, и прочие, демонстрация которых наказуема только при условии, что они недвусмысленно связаны с пропагандой или оправданием нацизма, деятельностью экстремистских организаций [11]. Помимо этого, ввиду того, что ряд нацистских символов представляет собой сочетания простых геометрических фигур, необходимо иметь в виду и возможность ненамеренного создания схожего с ними визуального сочетания (например, на логотипах компании Columbia или рок-группы Kiss), не ассоциируемого с нацизмом беспристрастным наблюдателем.

Представляется, что демонстрация атрибутики и символики, сходной с нацистской до степени смешения, должна осуществляться с прямым умыслом.

Не вполне определенной является также ситуация с символикой децентрализованных конгломератных организаций, таких как АУЕ или «Колумбайн». С принадлежностью к криминальной субкультуре, как и с фактами «скулшутингов», связано множество различных символов, имеющих разную степень выраженности и распространенности. Для АУЕ это не только восьмиконечные звезды и непосредственно содержащие эту аббревиатуру символы, но и купола, перстни, символы карточных мастей и даже изображение кота (КОТ — коренной обитатель тюрьмы) [4]. Как связанные с «Колумбайном», судя по материалам научной литературы и соцсетей, могут рассматриваться, например, такие символы и атрибуты, как надписи «естественный отбор» и «гнев» на английском языке, логотипы компьютерной игры Doom и музыкальной группы Rammstein и даже определенный набор предметов одежды и аксессуаров [9]. Здесь представляется крайне необходимой конкретизация правового регулирования.

Несмотря на некоторую неопределенность регулирования, среди публикаций СМИ не выявлено ни одной, где оценивались бы критически случаи необоснованного, по мнению журналистов и представителей общественности, привлечения к ответственности лиц, использующих соответствующие символы в целях, которые могут быть признаны как общественно полезные. Не было выявлено признаков такого привлечения к ответственности и в материалах рассмотренной судебной практики. Ранее такие ситуации имели место, однако, по-видимому, можно говорить, что практика была скорректирована законодательными поправками и разъяснениями высших судебных инстанций. В целом судебные решения по данной категории дел отменяются достаточно редко, что говорит о том, что нижестоящие суды в своей практике правильно применяют нормы закона, не входя в противоречие с позициями вышестоящих инстанций.

Примеров привлечения к ответственности лиц, демонстрировавших символику, которая совпадает или сходна до степени смешения с символикой экстремистских организаций, но не имеет прямого отношения к их деятельности, не выявлено. Это говорит о том, что суды и правоохранительные органы разумно подходят к толкованию норм законодательства и не демонстрируют формальный подход, позволяющий отнести к запрещенным для демонстрации, например, символику СССР в связи с использованием ее экстремистскими организациями или шахматную ладью в связи с применением аналогичной символики «Свидетелями Иеговы».

В то же время было бы неправильным оставлять без правового реагирования деятельность сторонников таких организаций, использующих подобную символику в контексте пропаганды или оправдания их деятельности.

Не было выявлено также случаев привлечения каких-либо лиц за факты использования символики продуктов Meta, несмотря на то что такие факты с очевидностью имели место, в том числе в деятельности публичных персон,

которые не могли остаться вне поля зрения правоохранительных органов. Следует отметить, что разъяснения о порядке использования таких символов давались Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России)², Министерством экономического развития Российской Федерации (Минэкономразвития России), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и другими органами, но юридическая сила таких разъяснений сомнительна, поскольку ни один из этих органов не уполномочен определять порядок применения норм КоАП РФ и УК РФ. В. Г. Степанов-Егиянц отмечает, что такая правовая неопределенность создает формальные условия для формального привлечения к ответственности широкого круга лиц [13]. Этот круг становится еще шире, если учитывать, что суды признают длящимся правонарушением размещение символов и атрибутов в сети Интернет [1], что делает возможным привлечение к ответственности всех, кто немедленно после признания Meta экстремистской организацией не убрал данную символику с контролируемых ими ресурсов, а также всех лиц, продолживших использование продуктов Meta.

Отдельная совокупность проблем связана с уже сложившейся практикой привлечения к ответственности лиц, имеющих татуировки с изображением запрещенных символов и атрибутов на участках тела, которые могут наблюдать посторонние лица (а фактически на любых участках тела, потому что демонстрация может осуществляться, например, во время посещения бани). По неофициальной информации из телеграм-каналов, в ноябре 2022 года в Тамбовской области уже было возбуждено уголовное дело по ст. 282.4 УК РФ за демонстрацию татуировки с нацистской символикой лицом, которое ранее привлекалось к ответственности за аналогичное административное правонарушение.

Какие-либо правовые препятствия для такого решения отсутствуют, даже если речь идет о демонстрации одной и той же татуировки. Само по себе наличие на теле такого изображения не образует состава правонарушения, он возникает только в связи с его демонстрацией. Татуировка, как указывают суды, может быть прикрыта одеждой или скрыта иным образом. При этом любое обнажение татуировки в присутствии посторонних — самостоятельное деяние, которое влечет за собой самостоятельную ответственность. До введения ст. 282.4 УК РФ это обстоятельство, хотя и создавало почву для злоупотреблений, все же не имело критического значения, поскольку негативные последствия ограничивались многократным применением административного наказания. Сейчас же фактически любой осужденный, прибывший в исправительную колонию с татуировкой в виде свастики или восьмиконечных звезд, рискует при первом же посещении бани получить административный штраф,

² О направлении рекомендаций: письмо Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 22 апр. 2022 года № ЕВ-36924/15. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404600397/?ysclid=lmu961c6c1836099759>

а при каждом последующем — приговор с назначением наказания в виде лишения свободы на срок до 4 лет. Если он откажется удалять татуировку, то фактически это сделает его срок пожизненным. При этом нет никаких правовых возможностей для того, чтобы обязать такое лицо свести или скрыть татуировку, так что совершенно непонятно, достижению каких целей наказания будет способствовать применение таких суровых мер.

Такое положение дел создает широкий простор для злоупотреблений как со стороны администрации учреждений и органов, исполняющих наказание, которая получает мощное средство воздействия на осужденных, позволяющее реализовывать коррупционные схемы, так и со стороны самих осужденных. Последние могут, например, массово наносить татуировки с запрещенной символикой, провоцируя всплеск возбужденных уголовных дел, который получит отрицательный резонанс в СМИ. Или, например, татуировки могут наноситься насильно (что, по сути, даже и не наказуемо, поскольку нанесение татуировки не включено в медицинские и уголовно-правовые критерии вреда здоровью), после чего жертва насилия оказывается перед выбором: подвергнуться риску уголовной ответственности или попытаться свести или скрыть татуировку. При этом последнее далеко не всегда является возможным без содействия администрации: у лица, находящегося в исправительной колонии или СИЗО, затруднен доступ к медицинским косметологическим процедурам, а осуществляемые в кустарных условиях «операции» могут быть болезненными и связанными с риском для жизни и здоровья.

Выводы

Таким образом, хотя в целом правовая регламентация административной и уголовной ответственности за использование запрещенных символов и атрибутов и является обоснованной, а судебная практика — достаточно разумной и не допускающей формального подхода, влекущего привлечение к ответственности лиц, действия которых не представляли никакой реальной угрозы для общества, тем не менее представляется желательным уточнение нормативных предписаний, особенно в связи с возможным применением уголовной ответственности за повторное совершение правонарушения.

Следует разделить ответственность за демонстрацию общеизвестной нацистской атрибутики и символики, а также сходной с ними атрибутики и символики, иных символов и атрибутов, которые федеральным законом признаны запрещенными к употреблению в любом контексте, кроме связанного с формированием негативного отношения к соответствующей идеологии, и за демонстрацию прочих запрещенных символов и атрибутов. Ответственность за первое должна наступать на тех же условиях, что и сейчас. Второе же должно быть наказуемым только при условии, что осуществляется в целях пропаганды или оправдания экстремистской деятельности, а не в нейтральном контексте.

Кроме того, привлечение к ответственности за демонстрацию символов и атрибутов, не относящихся к официально закрепленным в уставах или иных документах организаций, должно быть возможным только при условии, что описание таких символов включено в формируемый Минюстом России Перечень. Это может происходить как на основании судебного решения, так и путем наделения данными полномочиями какого-либо государственного органа. Аналогичный подход следует распространить на символы и атрибуты организаций, в отношении которых включение в Перечень произведено лишь по части осуществляемых направлений деятельности.

Демонстрация символов и атрибутов, которые однозначно не связаны с какой-либо экстремистской организацией, схожи с общеизвестными и общепотребительными, должна быть наказуема лишь при условии, что заведомо связана с пропагандой или оправданием экстремистской деятельности.

Наконец, следует решить вопрос с многократным привлечением к ответственности лиц, имеющих татуировки с изображением запрещенных символов и атрибутов. Во-первых, необходима регламентация медицинской процедуры сведения или сокрытия татуировок, которая могла бы применяться в амбулаторных или стационарных условиях, в том числе к лицам, находящимся в местах лишения свободы. Во-вторых, целесообразным представляется введение поощрительного механизма, стимулирующего лиц, поступающих в ведение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, к добровольному согласию на процедуру сведения или сокрытия татуировок определенного характера. В-третьих, применение медицинской процедуры сведения и сокрытия татуировок с изображением запрещенных символов и атрибутов должно быть предусмотрено в качестве принудительной меры медицинского характера, основанием применения которой является наличие у лица, привлекаемого к ответственности по ст. 282.4 УК РФ, таких татуировок, а добровольное согласие подвергнуться такой мере должно быть основанием освобождения от уголовной ответственности по ст. 282.4 УК РФ. Это позволит реализовать превентивный потенциал данной нормы без нарушения принципов уголовного законодательства.

Список источников

1. Бодров Н. Ф. К вопросу о практике применения законодательства о противодействии экстремизму в сети Интернет // Вестник Академии права и управления. 2018. № 4 (53). С. 32–38.
2. Вердиханова А. Н., Голубкова Н. И. Реабилитация нацизма и распространение неонацистских взглядов как формы экстремистской деятельности в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2022. № 4 (40). С. 21–32.
3. Горовая В. Ю., Горовой С. А., Стародубцева М. А. О квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 196–199.
4. Грачёв М. К вопросу о построении методики установления принадлежности лица к высшей уголовной иерархии по пиктографическому криминальному письму // Юрислингвистика. 2021. № 21 (32). С. 26–29.

5. Гребеньков А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex Russica. 2018. № 4 (137). С. 108–120.
6. Ипполитова А. Г. Социокультурные манифестации экстремизма в контексте псевдолиберальных ценностей // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 3 (16).
7. Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.
8. Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex Russica. 2022. № 11 (192). С. 131–148.
9. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «Колумбайн» // Lex Russica. 2021. № 12 (181). С. 74–83.
10. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 2. С. 111–118.
11. Рыдченко К. Д. Некоторые особенности обеспечения запрета пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики и символики // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 60–65.
12. Самойлов С. Ф., Базулина А. А., Жуланов А. В. Идеологическое обоснование террористической деятельности, осуществляемой неонацистскими группами // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 200–205.
13. Степанов-Египянец В. Г. Вопросы наказуемости использования запрещенных в России соцсетей // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 121–124.
14. Шиханов В. Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 68–73.
15. Яворский М. А. Противодействие административно наказуемому экстремизму в пенитенциарной системе России: теоретические аспекты // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 84–90.

References

1. Bodrov N. F. K voprosu o praktike primeneniya zakonodatel'stva o protivodejstvii e'kstre'mizmu v seti Internet // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 4 (53). S. 32–38.
2. Verdixanova A. N., Golubkova N. I. Reabilitaciya nacizma i rasprostranenie neonacistskix vzglyadov kak formy` e'kstre'mistskoj deyatel'nosti v sovremenny`x usloviyax // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2022. № 4 (40). S. 21–32.
3. Gorovaya V. Yu., Gorovoj S. A., Starodubceva M. A. O kvalifikacii publichny`x prizy`vov k osushhestvleniyu e'kstre'mistskoj deyatel'nosti // Gumanitarny`e, social'no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2019. № 12. S. 196–199.
4. Grachyov M. K voprosu o postroenii metodiki ustanovleniya prinadlezhnosti licza k vy'sshej ugolovnoj ierarhii po piktograficheskomu kriminal'nomu pis'mu // Yurisl'ingvistik. 2021. № 21 (32). S. 26–29.
5. Greben'kov A. A. Ponyatie informacionny`x prestuplenij, mesto v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii i mesto priznakov informacii v strukture ix sostava // Lex Russica. 2018. № 4 (137). S. 108–120.

6. Ippolitova A. G. Sociokul'turny'e manifestacii e'kstremizma v kontekste psevdoliberal'ny'x cennostej // Nauka. Obshhestvo. Oborona. 2018. № 3 (16).
7. Kapinus O. S. Administrativnaya preyudiciya v ugovnom prave: problemy' teorii i praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 6. S. 78–86.
8. Nikishin V. D. Vredonosnaya informaciya v internet-media: «okno overtona» i vzaimosvyaz' destruktivny'x setevy'x techenij // Lex Russica. 2022. №11 (192). S. 131–148.
9. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Analiz deyatel'nosti adeptov radikal'nogo idejnogo dvizheniya «Kolumbajn» // Lex Russica. 2021. № 12 (181). S. 74–83.
10. Ravnyushkin A. V. Problemy' kvalifikacii soversheniya v obshhestvenny'x mestax administrativnogo pravonarusheniya, predusmotrennogo ch. 1 st. 20.3 KOAP RF // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. № 2. S. 111–118.
11. Ry'dchenko K. D. Nekotory'e osobennosti obespecheniya zapreta propagandy' i publichnogo demonstrirovaniya nacistской атрибутики i simvoliki // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2009. № 2. S. 60–65.
12. Samojlov S. F., Bazulina A. A., Zhulanov A. V. Ideologicheskoe obosnovanie terroristicheckoj deyatel'nosti, osushhestvlyaemoj neonacistскими группами // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2022. № 4. S. 200–205.
13. Stepanov-Egiyancz V. G. Voprosy' nakazuemosti ispol'zovaniya zapreshhenny'x v Rossii soczsetej // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 6. S. 121–124.
14. Shixanov V. N. Kriminalizaciya AUE: podvodny'e kamni realizacii politiko-pravovogo resheniya // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1 (92). S. 68–73.
15. Yavorskij M. A. Protivodejstvie administrativno nakazuemomu e'kstremizmu v penitenciarnoj sisteme Rossii: teoreticheskie aspekty' // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2017. № 1 (23). S. 84–90.

Статья поступила в редакцию: 05.05.2023;
одобрена после рецензирования: 21.05.2023;
принята к публикации: 28.05.2023.

The article was submitted: 05.05.2023;
approved after reviewing: 21.05.2023;
accepted for publication: 28.05.2023.